

Бриг «Ужас»

и другие рассказы

Фантастика. XX век

Александр Беляев

Бриг «Ужас» и другие рассказы

«Книжное издательство Бабицкого»

1911, 1913, 1925

Беляев А. Р.

Бриг «Ужас» и другие рассказы / А. Р. Беляев — «Книжное издательство Бабицкого», 1911, 1913, 1925 — (Фантастика. XX век)

В этой книге собраны три фантастические истории, написанные талантливыми авторами начала XX века, которые и сегодня нисколько не устарели и слушаются на одном дыхании. Антоний Оссендовский «Бриг «Ужас». Таинственные вспышки на Луне, истребление кораблей в полярных морях и экологическая катастрофа, погубившая рыбу в океане. Кто стоит за всем этим? Одержимый ученый, решивший бороться со всеми народами мира. А причиной его ненависти стала отвергнутая любовь... Михаил Первухин «Зеленая смерть». Старый мореплаватель отправился к Соломоновым островам, искать затонувший корабль с сокровищами. Но в этих жутких водах ему предстоит столкнуться не только с туземцами-людоедами, но и с чудовищами, которых туземцы панически боятся. Александр Беляев «Последний человек из Атлантиды». Удивительный рассказ, состоящий из двух частей. В первой мы знакомимся со скупающим миллионером, который погружается в океан на подводной лодке и открывает Атлантиду. Вторая часть книги рассказывает о причинах крушения могущественной подводной империи, погибшей десятки тысяч лет назад.

© Беляев А. Р., 1911, 1913, 1925

© Книжное издательство
Бабицкого, 1911, 1913, 1925

Содержание

Бриг «Ужас»	6
I. Таинственные явления	6
II. Экспедиция «Грифа»	10
III. Встреча с бригом «Ужас»	14
IV. Мрачные следы брига	18
V. В Хайпудырской губе	20
VI. Плен	23
VII. На бриге «Ужас»	25
VIII. Последний бой	28
Зеленая смерть	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Антоний Оссендовский, Михаил
Первухин, Александр Беляев
Бриг «Ужас» и другие рассказы
*Сборник***

Книжное издательство Бабицкого

* * *

Бриг «Ужас»

*«На берегу Большеземельской тундры найден сгнивший остов парусного брига. На корме сохранились две буквы: «Уж...»
(Из газет).*

I. Таинственные явления

Сначала Пулковская обсерватория, а за нею и другие наблюдали с самого начала года странные, никогда никем еще не описанные, явления. Кроме ученых, следящих за бесконечным простором междупланетного океана в огромные телескопы, к небу издавна стремятся взоры всех людей. Неудивительно поэтому, что в деревнях и в селах люди пожилые, а в лесах охотники, привыкшие доверять звездному небу больше, чем часам и компасу, заметили на луне какие-то зеленоватые вспышки. Они следовали одна за другою через короткие промежутки, и было их всего девять.

Так как год был високосный, то старики и старухи, услышав об "огнях на месяце", решили, что быть неурожаем и пожарам во всей их округе. На этом и успокоились и, как положено от Бога, по заветам дедов и прадедов, терпеливо ждали всякой беды и напасти.

Те же вспышки наблюдались и в обсерваториях Европы, где их насчитали не девять, а целых двадцать, хотя пока не знали о них больше, чем охотники, принесшие такую новость в деревни, и древние старики, сделавшие свои мрачные предсказания.

Правда, что в обсерватории университета один студент, упражнявшийся в изучении состава небесных светил по испускаемым ими лучам, совершенно случайно навел на полную луну объектив спектроскопа и при яркой вспышке на мертвом спутнике земли в составе его лучей обнаружил присутствие железа.

На другой же день в газетах, куда проникли известия об открытии студента, появились сенсационные статьи под заглавием: "Обстрел луны", "Таинственные снаряды на луне", "Нападение селенитов" и другие заголовки, не менее заманчивые и крикливые. В этих статьях авторы пытались доказать два положения. Одни говорили, что, так как луна – светило, совершенно остывшее, и на нем не может быть вулканических извержений, то вспышки происходят от удара о поверхность луны железных снарядов, кем-то бросаемых на луну. Другие авторы склонны были допустить, что существа, живущие внутри коры мертвой планеты, где еще могли сохраниться следы теплоты, мечут при помощи каких-то орудий снаряды в сторону земли.

Поднялся ожесточенный спор, и полемическими статьями были наполнены все газеты.

Ученые молчали. Большинство из них не доверяло наблюдению студента, и открытие железа в таинственных вспышках на луне приписывали его неопытности и просто ошибке.

Однако около каждого телескопа с того времени был установлен и спектроскоп, но вспышки на луне прекратились, и ученые тщетно ожидали случая изучить природу этих таинственных явлений.

Пока астрономы, разбираясь в полученном наблюдателями материале, строили свои догадки и вырабатывали новую теорию, случились происшествия, заставившие общество позабыть о таинственных вспышках на луне.

В Архангельск с сильным креном на правый борт пришел лучший промысловый пароход "Двина" под командой опытного штурмана Семена Гавриловича Настюкова.

"Двина" лет пять тому назад прошла вокруг Европы из Англии, где ее строила знаменитая Гальстингская верфь. Пароход был двухтрубный, типа морских ледоколов, устойчивый и сильный, не боящийся даже значительных полярных льдов.

Стальной корпус "Двины" и ее могучий тупой нос много раз сталкивались с льдами, и всякий раз победа оставалась за пароходом, несшим в своих трюмах большой груз трески и ворвани.

Под стать отличному судну была и команда. Она была набрана самим Настюковым, а уж он за время своего плавания по Ледовитому океану узнал немало бесстрашных и опытных моряков и приглядел себе команду на диво.

Неудивительно поэтому, что, выходя в море, шкипер всегда улыбался и говорил:

– Нас всего пятнадцать человек, а мне так вот и кажется, что у нас на "Двине" сто пар дюжих рук!

Вот почему, когда в городе узнали, что к пристани, сильно дымя, тащится "Двина" с креном направо, весь город выбежал на берег.

Когда пароход ошвартовался, все заметили, что палуба судна обгорела, а на корме потрескалась и вспузырилась краска.

– Ну, помиловал Бог! – широко крестясь, сказал Семен Гаврилович. – Дошли! А дело было – табак! Большое бедствие терпели...

Но больше ни словом не обмолвился.

На все расспросы старший боцман, Трофим Нерпа, молодой, дюжий помор, скалил белые зубы и отвечал:

– Вот уж! Отрапортуется штурман в портовой конторе, – тогда, может быть, что и порасскажет.

А Настюков в это время стоял перед портовыми чиновниками и, развернув карту Ледовитого океана, водил по ней пальцем и говорил:

– Зашли мы на этот раз далеко за Вайгач. Треска шла лавой и уходила к северу, мы ей и пошли наперерез. Улов был удачный. Всю посуду заняли, ворвани вытопили полный груз и, убравшись, тихим ходом, не спеша, шли домой. Только вышли мы из Югорского Шара, нам навстречу большой парусник попался. Давно я такого не видел. Не наш, видно. Он чего-то вертелся на горизонте, близко не подходил, а тут нас, как на беду, хватил шторм. Неладно от него, верно, паруснику было. Совсем исчез он из виду. Трепал нас шторм, должно быть, часов пятнадцать и унес в Хайпудырскую губу, вот сюда...

Шкипер нагнулся над картой и, показав отмеченный черной точкой островок, продолжал:

– Думается мне, что верстах этак в 100–110 от Югорского Шара лежит этот остров. Низкий берег его едва поднимается над водою, и только вдоль островка идет каменистая гряда. Все это я разглядел в бинокль, когда думал, не укрыться ли мне здесь от шторма. Но море здесь, видно, было мелкое, да и рифов я побоялся. Положил я руль на левый борт и вышел на прежний румб. Вот тогда впервые это и случилось...

Семен Гаврилович перевел дух, затянулся дымом трубки и начал опять говорить:

– Отошел я миль на семь от островка, как вдруг откуда-то донеслось сначала легкое, чуть слышное стрекотанье, потом громкие, короткие стуки, а затем что-то со звоном ударилось в палубу и затихло. Мы бросились туда, и на носу увидели большую круглую дыру.

«Снаряд?» – спросил меня боцман.

Я не знал, что ответить, так как не понимал, откуда мог очутиться здесь снаряд. Кругом на горизонте не было видно ни дыма, ни паруса. За все время нашего плавания мы встретили только большой парусник да двух парусных норвежцев, а от берега нас отделяло море более чем на 100 верст. Но изумляться и раздумывать долго не пришлось. Из машинного отделения прибежал кочегар и сказал, что в трюмах показалась вода, и слышно, как она течет снизу, у носовых шпангоутов. Пока мы чинили пробойну и прежним ходом шли из Хайпудырской губы, прилетел второй снаряд. Он пробил трубу, придясь наискосок, и упал в грузовой трюм, где с треском разорвался, разбив десять бочек ворвани и сделав брешь в правом борту. В трюме начался пожар. Мы не могли потушить ворвань, которая, загоревшись, текла дальше и дальше,

грозя сжечь весь корабль. Спасло нас то, что в брешь, – когда мы вышли из губы, и нас начала настигать морская волна, – хлынула вода, и горящий жир всплыл на поверхность моря. Мы подвели брезентный пластырь, но выкачать воду так и не могли, и вот...

Подойдя к окну, шкипер указал рукой на покачнувшиеся вправо трубы и мачты "Двины".

– С большим креном шли и чуть-чуть добрались, – сказал Настюков. – Не в том беда, конечно. Войдем в док и починимся. Нехорошо то, что команда сильно напугана. Списываются с борта, не хотят в другой раз встречаться с чертовщиной.

Подумав немного, он закончил:

– А как же не назвать чертовщиной того, что случилось? Никак не объяснить этого! Что нас пробило? Почему мы не нашли осколков снаряда? Что могло так сразу поджечь ворвань? А тут еще этот профессор...

– Какой профессор? – спросил, подходя к шкиперу, один из чиновников.

– Досадно даже говорить! – вдруг рассердился Настюков. – Я сразу, тогда же знал, что нам не повезет в это плавание! Вышли мы в море из Архангельска, и вдруг навстречу нам попался парусный баркас. На руле и у парусов поморские рыбаки. Машут флагом. Дал я тихий ход. Поравнялись они и кричат: «Бумага вам из Петербурга!» Застопорили мы машину, опустили трап. Из баркаса к нам поднялся господин. Молодой еще, высокий и красивый. Показал нам свои бумаги. Оказалось, от академии его послали изучать Ледовитый океан. Он ушел на баркасе в море, а мы-то в это время и снялись. Он на берегу не успел с нами сговориться... Один человек – не помеха, даже веселее – все же новый человек, ну, и взяли мы его...

– Мы знаем о профессоре Самойлове, – сказал чиновник: – и очень беспокоились за него: думали, что утонул. Только через месяц рыбаки нам донесли, что на "Двине" он ушел.

– Вот профессор все молчал, а когда у нас начался пожар, покачал головой и сказал: "Я его нашел! Это он творит бессмысленное, безумное зло!" И больше ничего не говорил, только смотрел в бинокль и много-много писал...

Ответив на заданные ему вопросы и подписав свой рапорт, шкипер откланялся и ушел.

В тот же день в портовую контору был вызван и профессор Самойлов.

Между ним и портовыми властями произошел очень короткий и многозначительный разговор.

– Вы профессор Василий Власович Самойлов? – спросили его.

– Да! Я командирован в северные воды Академией Наук, – ответил, отказавшись от предложенного ему стула, ученый. – Надеюсь, что вам это доподлинно известно из телеграмм Академии и Географического Общества. Вам угодно знать мое мнение об аварии "Двины"? У меня имеется определенное решение этого вопроса, но это послужит темой для моего доклада в Петербурге, куда я отправляюсь сегодня с вечерним поездом. Я могу добавить, что я совершил за последние пять лет несколько переходов по Ледовитому океану и что искал здесь причины многих явлений, обративших на себя внимание ученых. Это почти все, чем я пока могу поделиться с вами. В заключение позволю себе дать вам совет объявить опасным для судоходства ту часть Хайпудырского залива, которая находится в 100 верстах от южной оконечности острова Вайгача и в 60 – от острова Долгого.

На все дальнейшие вопросы профессор отказывался отвечать, ссылаясь на предстоящий доклад Академии и Географическому Обществу.

О случившейся необычайной аварии рыболовного судна "Двина" пошли донесения порта в разные учреждения, но до Петербурга известия о злключениях парохода привез профессор Самойлов.

В первый же день своего приезда в Петербург Самойлов посетил почтенного академика, Павла Федоровича Туманова.

Туманов, его жена и сын-студент сидели за обедом, когда прислуга подала карточку Самойлова.

– Василий Власович! – бросился навстречу входящему академик. – Наконец-то!

Они крепко обнялись и расцеловались. Когда после первых приветствий все уселись за стол, вдруг наступило тягостное, неловкое молчание. Все чувствовали, что настал жуткий момент вопроса и еще более страшное ожидание ответа.

Первая заговорила жена Туманова. Прерывающимся голосом, в котором дрожали слезы, она спросила:

– Есть ли хоть какая-нибудь надежда? Не нашли ли вы следов нашей несчастной Нины?

Самойлов в глубоком волнении встал из-за стола и сказал, отчетливо произнося и разделяя каждое слово:

– Я ничего не знаю о Нине... Ничего... Но я нашел *его*, и теперь ему не уйти от нас. Я видел своими глазами бриг "Ужас".

Все в изумлении уставились на говорившего.

– В Ледовитом океане, к югу от Югорского Шара, есть остров Безымянный, в 80-ти верстах от Большеземельской тундры. Туда скрылся Яков Силин...

– Он может жить повсюду, зная наш секрет! – вздохнул старик.

– Силин живет и творит свое неправо дело! – сказал Самойлов. – Он по-прежнему бесмысленно вредит людям. Но вот послушайте все по порядку.

И профессор рассказал Тумановым о своем плавании на "Двине", о встрече с парусным судном и о событиях в Хайпудырской губе. Когда он окончил свой рассказ, старик пригласил его к себе в кабинет и, достав из ящика какое-то письмо, протянул его Самойлову. Письмо было от друга Павла Федоровича, скандинавского ученого, ботаника Ларса Сванборга. Ученый просил Туманова помочь ему изучить одно явление, наблюдающееся в течение последних лет. Деревянные рыбацьи шхуны, занимающиеся ловлей сельди, трески и китобойным промыслом между Шпицбергом и Беринговым морем, почти все погибли, придя в норвежские порты. Они сгнили, а их обшивка, палуба, мачты и даже паруса превратились в студенистое бурое вещество. Исследованиями удалось установить, что шхуны привезли откуда-то плесень, съедающую дерево. Одна из шхун остановилась в Варангер-фьорде, около деревни Тайноне, и вскоре все хижины деревушки и церковь были уничтожены плесневым грибом. Ботаник писал дальше, что плесень эта напала на людей, и правительству пришлось отделить кордоном целый береговой округ, пораженный завезенной из страны вечных льдов ужасной неведомой болезнью.

– Я просил Сванборга прислать мне маршруты путей, по которым плыли эти шхуны, – сказал Туманов: – и я узнал, что все они шли через Югорский Шар. Не знаете ли вы что-нибудь об этой плесени? Если это наш гигантский пласмодий – тогда все понятно...

Самойлов, ничего не говоря, вышел в прихожую и принес маленький дорожный саквояж. Он вынул черную коробочку и, открыв ее, показал академику целый набор стеклянных трубочек, на стенках которых раскинулись пятна белой жирной плесени.

– Это – пласмодий! Мой пласмодий! – воскликнул Туманов, закрывая лицо рукавом.

– Терпение! – сказал Самойлов. – Теперь недолго уже. Час мести настал.

Он глубоко ушел в кресло и почти шепотом произнес:

– Как я его ненавижу! Там, среди льдов, под немолчный шум суровых, тяжелых волн я видел преступное лицо Силина. Когда все на пароходе замирало, я звал его! Я ждал, что увижу его плывущим навстречу мне... Клянусь вам, что я бросился бы за борт, и тогда наступил бы час последнего решительного боя!.. Но я видел в течение нескольких минут лишь его судно...

Профессор замолчал, но тотчас же встал и начал ходить по кабинету, хватаясь за голову.

– Боже правый! – шептал он дрожащим от сдерживаемых рыданий голосом. – Ведь уж почти пять лет, как я не видел Нины. Пять лет! Жива ли она, любимая, желанная?!

Громкие рыдания прервали его слова, и Самойлов быстро покинул кабинет.

II. Экспедиция «Грифа»

Через полгода из Петербурга вышел отлично снаряженный пароход "Гриф", несший на мачтах и корме два флага – русский и норвежский. Все ученые общества обеих стран приняли участие в новой северной экспедиции. Целью ее было исследование причин замечаемых за последнее время болезни и вымирания рыб и промысловых морских животных Ледовитого океана.

Штурманы рыболовных шхун рассказывали, что около полуострова Ямала были замечены стаи рыбы, быстро подвигающейся к востоку, несмотря на то, что в это время года рыба обыкновенно шла на запад к северным берегам Скандинавского полуострова. Другие, зашедшие еще восточнее, шхуновладельцы и рыбаки попали на меридиане "Островов Уединения" в полосу океана, покрытую трупами мертвой рыбы.

На льдинах виднелись слабые, очевидно, издыхающие тюлени и моржи, а стаи чаек и орланов носились над этим медленно плывущим кладбищем.

Экспедиции было поручено также обследовать острова, лежащие в Хайпудырской губе, составить карту и описание их природы.

На своем борту "Гриф" вез известных своими путешествиями и учеными трудами профессоров Туманова, Сванборга и Самойлова. Пароход экспедиции не был вооружен артиллерией, хотя бравый командир крейсера, отставной морской офицер Любимов, заупрямился и не захотел расстаться со скорострельной пушкой Гочкиса, стоящей на капитанском мостике.

Переход от Петербурга до Архангельска сделали быстро. Заходили только в Тромсе, где у английской компании "Джон Смойл энд Берри" запаслись кардифским углем, нагрузив им все трюмы и боковые обшивочные камеры.

Последняя остановка "Грифа" была в Варде, где должны были принять на борт двух норвежских боцманов, знакомых с северными водами. В Варде в это время года на рейде обычно бывает совсем пустынно, так как шхуны, паровые баркасы и даже шлюпки, которые поустойчивее, уходят на лов, пользуясь тем, что сельдь появляется всего в десяти милях от материка.

Когда же "Гриф" от мыса Норд-Капа взял курс на Варде, начали попадаться сначала отдельные шхуны, а затем и целые флотилии мелких судов.

– Это только после отчаянного шторма шхуны сходятся, подсчитывая свои потери, – заметил командир парохода. – Но ни барометр, ни телеграф не указывали на такой шторм!

Когда же "Гриф" был уже в виду Варде, все так и ахнули.

– Да нам здесь и не протолкаться! – крикнул капитан Любимов.

И действительно, весь рейд был занят стоящими на якорях или у бочек шхунами, паровыми баркасами и широкими, как лохани, парусниками старого типа. В открытом море, цепляясь за брошенные якоря, трепались рыбацьи суда со свернутыми и покрытыми клеенкой парусами и одинокими фигурами вахтенных у штурвалов.

– Ума не приложу! – разводил руками командир. – Что-то стряслось у них, верно!..

Только Сванборг печально покачивал седой головой и, поворачиваясь к Туманову, сказал:

– Верно, опять эта болезнь напала на рыбу. Боже мой! Снова целые округа будут голодать!

Пока высказывались различные догадки, "Гриф" тихим ходом вошел на рейд и, бросив якорь у правого входного створа, подал сигнал сиреной. Вскоре подошла шестивесельная шлюпка, и из нее поднялись на палубу шкипера, старые морские волки. На них набросились с расспросами о причине такого сбора судов в Варде.

– Беда! – сказали они. – Миллионы рыб всплыли на поверхность моря. Десятки миль водного пространства покрыты гниющей треской и сельдью. Никто не знает, что за причина, но бедствие ужасно, голод и крахи неминуемы. Уже две богатейшие фирмы прекратили вчера

платежи. Хуже же всего то, что большинство рыбаков разорено навсегда. Их деревянные суда превратились в какую-то бурую, зловонную слизь. Они гниют, распадаются и заражают все кругом этой проклятой болезнью! Половина команд хворает – их свезли вот на то судно. Оно прислано правительством для карантина.

Рассказывающий об этом шкипер указал пальцем в юго-западный угол рейда, где виднелось большое белое судно с черным флагом на грот-мачте.

– Умирают уж люди!.. – добавил другой шкипер и вздохнул.

– Что за напасть такая? – воскликнул командир "Грифа". – Да ведь раньше я об этом никогда не слыхал! Чтобы в одну кампанию судно могло сгнить – да где это видано?

Не сходя на берег, командир по беспроволочному телеграфу снесся с властями в Варде и, не получив от них никаких новостей, вышел в море.

В Архангельске простояли пять дней, грузили провизию, ездовых собак и скот и при свежем восточном ветре на всех парах пересекли Белое море по курсу на мыс св. Нос.

Около южной оконечности острова Колгуева, по приказанию Туманова, на "Гриффе" были остановлены машины и спущены шлюпки с различными приборами. Все чаще и чаще попадались большие скопища уснувшей рыбы. Когда несколько штук было доставлено на палубу, Сванборг и Туманов осмотрели их. Трупы были покрыты беловатой слизью и легким, едва заметным пухом плесневого налета.

– Это пласмодий, – сказал Туманов, взглянув на своего ученого друга.

– Не думаю... – попробовал было возразить скандинавский ботаник.

Академик сразу же прервал его и заметил:

– Троньте рукой эту рыбу! Вы чувствуете – она горяча? Это только пласмодий с такой быстротой пожирает свою жертву и, переваривая ее, выделяет столько тепла.

Экспедиция занялась вопросом, на какую глубину опускаются зародыши плесени, в какой степени развития они находятся и сколько их. Делая промеры и производя многочисленные пробы, "Гриф" медленно подвигался в сторону Югорского Шара.

– Вы утверждаете, что это пласмодий? – спросил однажды вечером, подойдя к Туманову, Сванборг. – Но ведь пласмодий, это – простейшее существо, от которого путем дальнейшего развития появились и другие организмы, и давно уже в своей первоначальной форме вымерло на нашей планете?

– Так думали, – сказал академик. – Мне удалось найти его зародыши в трещинах самых старых каменных углей, добываемых с большой глубины. Там, в недрах земли, они притаились и пережили тысячелетия. Я их призвал к жизни, изучил их страшную силу, заставил размножаться с необычайной быстротой и мечтал...

– Мечтали? – спросил Сванборг. – О чем?

– О счастье человеческого... – вздохнув, ответил ученый. – О том, чтобы заставить пласмодий из врага превратиться в друга. Я хотел... Но пусть лучше расскажет вам об этом профессор Самойлов. Он так много работал с покоренным пласмодием.

Все собрались около молодого ученого.

– Если поместить в земле отбросы городов, трупы животных или растений, каменный уголь, опилки или валежник, – начал свой рассказ Самойлов: – и засеять в такой земле зародыши пласмодия, то он, пожирая эти остатки, согревает почву и удобряет ее. В северных широтах, благодаря работе пласмодия, могут расти и зреть такие растения, родина которых знойная Индия; можно снимать по три урожая в год, а одно зерно пшеницы даст колос в 350 зерен.

– Почему же ученые ничего об этом не знали? – с недоумением в голосе спросил Сванборг. – Ведь это – величайшее открытие века!

– Да, – согласился с ним Самойлов и, нагнувшись к самому уху скандинавского ученого, начал шептать: – Это величайшее открытие моего учителя, мечтавшего об облегчении суровой

жизни на земле, сделалось кошмаром его жизни. Я боюсь рассказывать, боюсь, чтобы Туманов не услышал.

Сванборг взял молодого профессора под руку и увел его на юг. Здесь они оперлись о борт парохода, и Самойлов рассказал мрачную историю возрождения пласмодия и открытия способов его применения для земледелия.

– Когда Туманов добыл зародыши пласмодия и получил первые колонии этого полугриба, полуплесени, – мы устроили огород на небольшом академическом дворике, мы перерыли в одном углу землю, перемешали ее со всяким сором, опилками и обрывками коры, сложенными дворниками около поленниц дров. Когда затем были приготовлены грядки, мы засеяли на них зародыши пласмодия. Ожидали мы с большой тревогой, бегали на наш огород чуть ли не каждую минуту. А надо вам сказать, что на дворе был декабрь, и морозы стояли ужасные. Один из ассистентов, Яков Силин, вбежал однажды к нам и крикнул:

– Пар идет от гряд!

– Мы бросились на двор и увидели, что от гряд действительно поднимается густой пар и опадает на землю тяжелой изморосью. Мы измерили температуру земли: она оказалась нагретой до 30 градусов. Туманов нам сказал тогда:

– Я не ошибся. В наших руках находится пласмодий, ужасный гриб, пожравший в прежние геологические эпохи гигантские леса, покрывавшие почти всю нашу планету. Это он подтачивал стволы плаунов и гигантских древовидных папоротников, а они падали в реки и озера, сносились водою в глубокие долины и, покрываясь слоем песку и глины, медленно сгорали, превращаясь в каменный уголь. Теперь мы поседем на наших грядах рожь и горох!

– Мы очень удивились, так как думали, что посеянные зерна немедленно будут съедены пласмодием. Однако Туманов велел нам перерыть еще всю землю и, бросив щепотку какой-то соли, полил гряды водою.

– Теперь, – сказал он: – пласмодий впадет в состояние бездеятельности. Он будет лишь переваривать поглощенную им пищу, удобрять и нагревать землю.

– Так и случилось! – воскликнул Самойлов. – Через десять дней в 25-градусный мороз из земли поползла трава. Ее бил и сушил мороз, но зеленые части растений неудержимо тянулись кверху. Тогда мы покрыли наши гряды рогожами, и этого было достаточно для того, чтобы рожь заколосилась, горошек быстро отцвел и дал стручки...

Самойлов вздохнул и умолк.

– Что же дальше? – спросил Сванборг.

– Особенно много занимался открытием Туманова его ассистент Силин. Как раз во время этих работ он сделал предложение Нине, дочери Тумановых. Она сначала согласилась, но потом отказала Силину, и он, считая меня виновником своей неудачи, заразил меня пласмодием. Сделал он это тогда, когда я спал и не мог сразу принять меры к борьбе. Он скрылся потом, захватив с собою несколько трубок с пласмодием, и с той поры мы Якова Силина не видали.

– Что было с вами? – спросил слышавший рассказ профессора командир.

– Я хворал три года и два раза за это время был на краю гибели, – ответил Самойлов. – Меня спасла поездка в Египет, где я целое лето лежал под знойным солнцем Африки.

Однако голос молодого профессора звучал грустно, а норвежец, тихо прикоснувшись к его руке, спросил:

– Извините за любопытство! Вы женаты?

Самойлов быстро отошел от перил и несколько раз прошелся по палубе.

– Нет, господин Сванборг! Я не женат.

На этом разговор их прекратился. Норвежский ученый не решался задать еще один вопрос, а Самойлов угрюмо смотрел на небо и следил за черной тучей с белыми разорванными

краями, ползущей по небу. Оба чувствовали себя неловко. Из этого затруднения вывел их резкий порыв ветра, заставивший вздрогнуть весь корпус судна.

– О, какой свежий ветер! – воскликнул Сванборг. – Полярные воды долго не остаются спокойными...

Новый порыв заглушил его слова, а вслед за этим раздались сверху пронзительный свисток и громкий голос одного из боцманов:

– Крепить снасти! Подтянуть тали у шлюпок!

На палубе послышались топот ног, новые свистки и глухой гудок парохода. Ветер был с кормы. Море уже почернело, и на верхушках поднявшихся волн зловещими пятнами забелели пенистые гребни. Они догоняли судно и, ударяясь о корму, словно зубами впивались в его черную железную обшивку. Пароход вздрагивал и с жалобным скрипом резкими прыжками подвигался вперед, то взбираясь на самые вершины волн, то стремительно скатываясь вниз.

Все попрыгали в нижние помещения; по палубе гуляли волны, перекатываясь с кормы до самого носа. На капитанском мостике стоял в непромокаемом плаще командир, всегда шумный и возбужденный, и, смотря в бинокль, говорил находившемуся тут же Туманову:

– Слева от нас должен быть огонь! Там – Колгуев и деревня Иоланга, где находится старый, еще не упраздненный маяк. Но я не вижу огня... Что это значит?

Он приказал дежурному матросу позвать норвежских боцманов. Они подтвердили, что в Иоланге всегда горит огонь, и что теперь они его тоже не видят. Надвигая на глаза свои кожаные шапки, они с недоумением всматривались в туман и пожимали плечами, изредка перекидываясь короткими замечаниями.

– Шлюпка на море! – крикнул штурвальный.

Действительно, черная точка с левой стороны от "Грифа" то появлялась, то исчезала среди водяных гор. Всякий раз, когда лодка стремительно проваливалась в пучину, всем наблюдавшим за нею казалось, что она уже не выплывет, но черная точка снова выносилась на гребень волны и, мелькнув на одно мгновение, опять исчезала. Хотя уже смеркалось, люди, сидящие в лодке, не могли не заметить парохода. Он густо гудел и завывал сиреной, оставляя в воздухе длинную и черную полосу дыма. В бинокль можно было разглядеть, что в шлюпке находились трое. Сидевший на руле оглянулся на идущий сзади пароход, и тотчас же на шлюпке подняли косой парус. Лодка, как чайка, понеслась по волнам, перелетая с гребня на гребень и зарываясь носом в пену. Помогая ветру, торопливо взмахивали весла.

– Они убегают от нас! – с недоумением сказал один из норвежцев.

– Это совсем непонятно! – пожал плечами командир "Грифа".

– В этих широтах нет контрабандистов. Не пираты же они, в самом деле! Ведь нападать на промысловые суда в такой посудине – глупо.

Подумав немного, он решил что-то и скомандовал в машинное отделение:

– Полный ход! Все по местам! Готовься к маневру!

– Курс по шлюпке! – сказал он, повернувшись к штурвальным.

– Есть! Курс по шлюпке! – повторили те.

С каждым поворотом винта пароход настигал убегающую лодку. "Гриф", взяв под ветер, обошел ее и вдруг застопорил машину. Командир в рупор крикнул, перегнувшись через парапет мостика:

– Убери парус и лови конец!

Заслышав приказание, люди, сидевшие в шлюпке, спустили парус и, переложив руль на правый борт, подошли к "Грифу" и ловко поймали брошенный им линек.

III. Встреча с бригом «Ужас»

На "Гриффе" в кают-компании за столом сидели командир судна, Туманов, Сванборг, Самойлов и оба норвежских боцмана. Взятые на борт люди не внушали к себе доверия и не возбуждали симпатий. Злобные лица их, искаженные дурной усмешкой, и косящие, бегающие глаза заставляли догадываться, что в жизни этих загорелых, коренастых людей было много мрачных страниц.

– Вы кто такие? – спросил командир.

Они быстро переглянулись, и один из них, казавшийся более пожилым, ответил, сильно картавя:

– Морские люди мы, мореходы, значит...

– Чем промышляете? – допрашивал командир.

– Рыбу промышляем, нарвала гоняем, моржа бьем, господин.

– Как тебя звать?

– Никифор...

– Ведь не на этой же шлюпке мотаетесь вы по океану? – спросил старший боцман.

– Знамо, нет! – ответил, ухмыляясь, допрашиваемый.

– Вы с какого судна? – продолжал выведывать командир.

– С большого... – нагло смеясь, сказал Никифор.

– Лясы не точи, дело докладывай, если линьков с десятков не хочешь! – крикнул, ударяя кулаком по столу, командир. – Н-ну!

– Нам, господин, ничего не велено сказывать! – глухим голосом ответил Никифор. – Скажем только: ежели касатку встретишь, – знай, и кит тут где-нибудь поблизости... Мы что? Мы – касатки.

– Ладно! – угрюмо произнес командир. – Ни разу не бивал я у себя на борту людей. А ты попробуешь, видно. Заговоришь тогда!

– Как вашей милости будет угодно, – пробормотал тот. – А только мы ни при чем...

– Посмотрим! – прервал его командир. – А зачем от Колгуева шли? Там теперь рыбы нет!

– Живой груз возили... Человека на берег доставили.

– Человека? Какого человека? – спросил Туманов.

– Женщину, – неохотно ответил Никифор. – А как доставили, на маяке смотрителю огонь погасить велели. Вас заприметили. Боялись – в Иолангу пойдете!

Самойлов поднялся и подошел к говорившему:

– А сколько дней из Хайпудырской губы шли вы сюда на "Ужасе"?

Никифор умолк и потупился:

– Нам ничего не известно.

– Линьков! – скомандовал командир, и матросы схватили Никифора и его товарищей, рослых парней, с лицами, до самых глаз заросшими включенными бородами.

Никифор молчал, а остальные бормотали что-то и брызгали слюной, стараясь освободиться из дюжих рук матросов.

– Что они говорят? – спросил Самойлов.

– Они оба немые, господин! – пояснил, мрачно вскидывая на профессора глаза, Никифор. – Языки у них отрезаны...

Допрос длился еще долго, так как от наказания взятых на борт людей решено было отказаться. Никифор не проронил более ни слова. Он уставил глаза в палубу и молчал. Двое немых бессвязно бормотали глухими, гортанными голосами, дрожа и кланяясь.

– Отпустите их! – сказал Туманов. – Все равно ничего не добьетесь!

– Черт с вами! Убирайтесь вы к своему киту и скажите, чтобы он не встречался с Федором Любимовым, а не то попробует моего Гочкиса.

Неуловимая усмешка мелькнула по лицу Никифора, и он, низко поклонившись, пошел к борту, махнув рукой своим товарищам.

Когда все вышли на палубу, море тонуло в густом мраке, и, невидимые уже, метались и ревели волны. Где-то на горизонте мигнул огонь. Зеленоватая вспышка его едва была заметна. Через несколько мгновений все услышали, что над "Грифом" с визгом и шипением пронеслась ракета, оставляя за собою огненный след. Другая и третья ракеты пронизали мрак, и одна из них с треском разорвалась за кормой парохода.

– По судну стреляют! – воскликнул капитан Любимов. – Погасить баковые огни и огонь на фок-мачте! Сидорчук, к пушке! Господа, – обратился он к членам экспедиции: – я попрошу вас удалиться в каюты.

В приготовлениях к возможному бою никто не заметил, как шлюпка Никифора, подняв парус, отошла от "Грифа", и как ее тотчас же поглотил мрак. Выстрелы больше не повторялись, и море кругом было совсем пустынно. "Гриф" шел без огней. Сидорчук, опытный и меткий канонир, оставался у пушки; у штурвального колеса сменялись норвежцы, а командир не сходил с мостика. Когда к нему поднялся Самойлов, капитан Любимов с большим неудовольствием отнял бинокль от глаз и повернулся в сторону ученого.

– Профессор, – сказал он строго: – я ведь вас просил оставаться в каютах. Здесь бой, – и здесь уж наше дело!

– На море никого нет, – возразил Самойлов. – Ваш невидимый враг ушел!

– Нет, – покачал головою Любимов. – Я – старый моряк, и у меня есть чутье. Оно мне подсказывает, что опасность очень близка, и я чувствую ее приближение...

– Капитан, – сказал Самойлов: – все члены нашей экспедиции поручили мне просить вас взять курс на Колгуев. Мы хотим знать, кто был свезен Никифором и его поделщиками на остров. Это может многое объяснить нам.

Лицо Любимова, обычно такое веселое и добродушное, сделалось темным и злым.

– Простите! – произнес он глухим голосом. – Мое судно было обстреляно, и я должен найти и наказать виновного.

– Он, вероятно, гораздо сильнее "Грифа", – заметил Самойлов.

– Если вам угодно, я дам вам восьмивесельный вельбот, и вы можете покинуть судно. Но я знаю, что мне делать.

– Вы погибнете, – попробовал подействовать на решение командира профессор.

– Милостивый государь! – сказал, отчеканивая каждое свое слово, Любимов: – прошу вас не вмешиваться в распоряжения командира судна и немедленно отправляться в свое помещение!

Самойлов, видя всю бесполезность убеждений, повернулся и начал сходить с мостика. Он был уже на половине лестницы, как вдруг вверху раздались быстрые шаги Любимова и его тихий окрик:

– Готовь пушку! Курс на запад!

– Есть! Курс на запад! – так же тихо, словно эхо, повторил приказ штурвальный.

Самойлов сбежал на палубу и, прижавшись к стене кают-компания, начал наблюдать. Над морем повис тяжелый, непроницаемый мрак. Даже седые гребни ударяющих в борта "Грифа" волн не выделялись из темноты. На небе не было ни одной звезды. Однако сквозь плеск волн и свист ветра до слуха Самойлова доносились какой-то шум и гудение. Порой ему казалось, что в темноте что-то маячит, большое и призрачное, и мчится вперед прямо на него.

– Он опять скрылся... – послышался тихий голос Любимова, и капитан начал по-норвежски объяснять шкиперу: – Я его видел слева на меридиане Иоланги. Большой трехмачто-

вый парусник... Все паруса были поставлены, и шел он бешеным ходом... А теперь пропал, словно в воду канул...

– Может быть... пират? – заметил норвежец. – Хотя о таких крупных разбойниках здесь никогда не было слышно.

– Черт его знает, кто он! – выругался Любимов. – Только пусть уж лучше бросится на меня, а не пропадает так... сразу.

Ветер понемногу стихал, и небо начинало светлеть. Тучи мчались еще, но там, где они прорывались, виднелся уже туманный, дрожащий свет луны. Когда лучи ее упали на море в миле к северо-западу, Самойлов увидел на фоне светлого неба черные паруса и узкий корпус судна, накренившегося на левый борт и быстро режущего воду.

– Парусник идет на нас! – крикнул он, поднимая вверх голову.

– Есть! – ответил вахтенный матрос, и все стихло.

Черное судно быстро приближалось. Уже видна была высокая волна, вскидываемая его острым носом, и длинный кормовой флаг, полощущийся в воде. Судно шло без огней, и по ходу его нетрудно было догадаться, что оно намерено пересечь путь "Грифа".

– Полный ход! – скомандовал вдруг громким и уверенным голосом командир. – Руль прямо! Готово?

– Есть! – ответил голос Сидорчука. – Готово!

– Пли!

Один за другим три гулких выстрела грянули над палубой и озаарили мгновенными вспышками борт и бьющиеся за ним волны. Набежали тучи, и опять густой мрак окутал все. Судно исчезло, и не было слышно игры ветра в его парусах и плеска воды у носа.

– Стоп! – раздалась команда, и "Гриф", постепенно умеряя ход, начал вздрагивать под ударами волн, бьющих в корму.

После выстрелов все выбежали на палубу, но не увидели уже парусника. Начались расспросы, но их тотчас же прервал посланный капитаном вахтенный матрос, передавший приказание командира немедленно отправиться в каюты. Приказ был исполнен, и только спрятавшийся в тени Самойлов остался на своем прежнем месте, почти у самого борта. На капитанском мостике Любимов вполголоса совещался норвежцами. Слова не доносились до Самойлова, и он, не видя ни зги впереди, задумался, опершись о тумбу для причалов.

Очнулся он от ветра, пахнувшего ему в лицо, и странного шума, раздавшегося рядом с бортом. Гигантская черная тень, чернее мрака, медленно надвинулась и остановилась. Профессор поднял голову и высоко над собою увидел паруса и верхушки трех мачт. Несколько черных теней, казавшихся призраками в туманной ночи, забегало вдоль ставшего рядом с "Грифом" большого парусника, и железные крючья багров, как когти хищной птицы, вонзились в борт парохода. Самойлов услышал резкий, тревожный свисток и взволнованный голос Любимова, вызывающего всю команду на палубу. Одновременно с этим приказанием откуда-то из темноты раздался властный окрик:

– Ни с места, если не хотите пойти ко дну! По какому праву напали вы на моих людей и стреляли по мне? Я – командир брига "Ужас".

На высоком мостике, помещенном почти на самом носу брига, сразу вспыхнули факелы. Четверо матросов в желтых непромокаемых плащах и надвинутых на глаза капюшонах освещали стоящего у самых перил человека. Он был без плаща и стоял с непокрытой головой. Длинные с сильною проседью волосы обрамляли красивое бледное лицо. Глаза незнакомца были мрачны и неподвижно смотрели прямо перед собою. Казалось, что эти глаза были мертвы. Тонкие руки стоящего на мостике человека впились в перила с какою-то жестокостью, а может быть, отчаянием.

– Я – командир брига "Ужас", – повторил он и вдруг улыбнулся горькой, жалобной улыбкой.

– Вы – Яков Силин? – сказал, подходя вплотную к борту, Самойлов.

– Силин?.. – будто недоумевая, не глядя на профессора, спросил он. – Да, так, кажется, меня когда-то звали. Но теперь я – командир "Ужаса", и сам я – ужас... ужас земли. Я – титан, полубог!

Он поднял вверх руку и обвел ею широкий круг.

– Я кинул огонь и разрушающую силу взрыва на мертвую подругу нашей планеты – луну, – продолжал он. – Я отравил живым ядом океан и людей и сделаю все моря, все воды мертвыми, как мертва моя душа. Замерзший камень я могу превратить в цветущий сад и полную кипучей жизни пучину океана – в огромное кладбище!

– Яков Силин! – крикнул ему Самойлов. – Что сделали вы с Ниной Тумановой? Если она мертва, кара неба не минует вас!

Наступило молчание. Слышно было, как падали угольки факелов, и шелестели развеваемые ветром плащи матросов.

Силин заговорил. Голос его был нежен, как напев, и вздрагивал от волнения:

– Нина... Нина... Нет! Она жива... Если бы она умерла, я уничтожил бы все человечество! Проклятые, мерзкие черви, трусливые и злобные! Но я все делал, что она хотела... Я был, как бог, могущественный, не знающий преграды... И она не любила меня! Ни разу не приблизила она меня к себе, ни разу не узнал я ее мыслей и надежд... Пусть же теперь она идет туда, к этим паукам, червям и змеям! Пусть! пусть! Не пожалела она меня, не пожалела человечества. Между ним и мною теперь смертельный, последний бой. Командир брига "Ужас" объявил войну!..

Он резко свистнул, и тотчас же погасли факелы, и в густом мраке лишь маячили паруса и мачты брига, похожего на гигантский, кошмарный призрак. Неслышно сняли невидимые люди крючья с борта "Грифа", и парусник, рванувшись, быстро пошел вперед, черный, без огней, и легкий, как видение.

– Курс на Хайпудырскую губу! – скомандовал Любимов, и пароход двинулся следом за бригам, уже скрывшимся в темноте.

Ночью Силин два раза позволил "Гриф" настигнуть себя. Бриг останавливался, а потом медленно и молчаливо обходил пароход, словно дразня и вызывая его на бой, и опять уносился вдаль, оставляя за собою тревогу и смутное предчувствие беды. Вся команда с ружьями и топорами была спрятана за бортом парохода, так как командир ожидал нападения, и только тогда все успокоились, когда из-за туч блеснули первые, еще неяркие, лучи солнца. На море нельзя было разглядеть ни мачт, ни парусов брига.

– Будто привидение стояло сегодня возле нас и кружилось около "Грифа", – заметил, понутив голову, утомленный капитан. – Если еще это повторится – на корабле возникнет паника.

– Парус с правого борта! – раздался крик матроса с мачты.

Часа через два навстречу "Гриф" попался парусный китобойный баркас "Альма". Посигналив судну, Любимов выяснил, что "Альма", под командой шкипера-датчанина, идет в Европу и зайдет за водою и дровами в Иолангу.

– Попросите судно остановиться и принять пассажира до Колгуева! – сказал Самойлов.

– Вам угодно покинуть "Гриф"? – спросил с презрением в голосе командир.

– Да! Я отправляюсь в Иолангу, капитан! – сухо ответил профессор.

Любимов, не взглянув на Самойлова, крикнул:

– Шлюпку на воду!

С парохода видели, как "Альма" приняла на борт профессора, и когда шлюпка вернулась, "Гриф" двинулся на восток.

IV. Мрачные следы брига

Бриг Силина исчез, но за ним шел мрачный след. К вечеру "Гриф" вошел в полосу мертвой рыбы. Острый нос парохода резал тысячи уснувшей трески, а под ударами винта тела погибшей рыбы превращались в зловонное месиво. Среди погибшей трески и гниющей сельди попадались трупы нарвалов и тюленей.

– Взгляните туда! – воскликнул, указывая на запад, Туманов.

Насколько хватал взгляд, море превратилось в плавающее кладбище и казалось покрытым снегом.

– Рыба успела уже замерзнуть, – сказал командир. – Это неудивительно! Ночь была свежая.

– Это – пласмодий! – возразил академик. – Это он белой, серебристой плесенью, как пухом, покрыл погибших животных, а над ними теперь поднимается легкий пар. Пласмодий быстро и жадно пожирает свои жертвы.

– Здесь гниет груз доброй полусотни паровых барж, – заметил Любимов. – Норвегия и Швеция будут голодать!

– Хуже всего то, что вся эта рыба, – воскликнул академик: – будет разнесена волнами по океану, выкинута на берег и станет заражать все, что попадется на ее пути. Надо убить пласмодий... убить во что бы то ни стало!

– Но как это сделать? – спросил Сванборг.

– Капитан, – обратился Туманов к командиру: – на "Грифе" есть запас нефти?

– Есть на случай недостатка угля или вообще твердого топлива, – ответил Любимов.

– Велите поднять бочки на палубу и вылить за борт, – распорядился старый ученый.

Вскоре по волнам побежали радужные пятна и расходились все дальше и дальше.

Когда мертвая рыба осталась позади, и "Гриф" шел полным ходом, раздался тревожный сигнал сирены. В кают-компании в это время обедали, а потому тревога вызвала переполох и суматоху. Первым выбежал на палубу и вихрем взлетел на мостик сам командир.

– Что? Опять подходит? – спросил он, тревожно оглядывая безбрежный водяной простор.

– Никак нет! – ответил матрос. – Только вот там чернеются в море люди. Я спервоначала думал – нерпы плывут, а потом головы разглядел человечьи.

Любимов долго смотрел в бинокль, а потом сказал:

– Мертвые тела за бортом! Подойдем – увидим, кто такие?

Когда "Гриф" поравнялся с ними, застопорили машину, и трое матросов вошли в спущенную шлюпку. Они баграми и крючьями зацепили и подвели к борту "Грифа" три трупа.

– Зарезанные! – пояснили матросы.

Когда трупы были подняты на палубу, все переглянулись. Они узнали Никифора и двух его немых спутников. Воротники их рубашек были расстегнуты, а в нижней части шеи, там, где она переходила в грудь, виднелись треугольные отверстия. Глаза убитых были открыты, и в них застыл страх, последний в их жизни, смертельный страх. Когда откинули плотно надвинутые на головы капюшоны плащей, даже Любимов не мог сдержать крика. Волосы несчастных были сбриты, и на темени каждого, на вздувшейся и распухшей коже виднелись зловещие черные пятна.

– Это – клейма! – крикнул, отшатнувшись от трупов, старший боцман.

Действительно, на сожженной и потрескавшейся коже виднелась кроваво-черная надпись: "Бриг "Ужас". Все стояли, подавленные увиденным. Лица бледнели при мысли, что вдруг из сумерек вынырнут паруса и мачты судна, управляемого злобным, ненавидящим все живое, человеком. Все думали о том, что ожидает их при встрече с бригам, и с напряжением искали

выхода из опасного положения. Только командир и норвежцы казались спокойными. Они тихо совещались о чем-то и изредка указывали на море.

– Федор Павлович! – сказал, подходя к Любимову, Туманов: – мы не скроем от вас, что нас страшит возможная встреча с Силиным. Мы вас просим доставить нас в Колгуев, откуда мы будем в состоянии вызвать для нашей охраны более надежное судно, чем "Гриф".

– Господа! – прервал его командир, – я вас прошу пройти в кают-компанию. Я сейчас спущусь туда и надеюсь, что вы согласитесь со мною и пойдете на мои условия.

Через несколько минут он сошел с капитанского мостика и, подойдя к трапу, ведущему в кают-компанию, подозвал матроса и приказал ему никого не выпускать из пассажирского помещения.

– Есть! – ответил матрос, глядя вслед спускающейся вниз могучей и грузной фигуре командира.

Любимов застал всех в сборе.

– Господа! – сказал он без обычной улыбки. – Не скрою, что моему судну грозит большая опасность. Скажу больше: "Гриф", вероятно, идет на верную смерть. Поэтому понятно, что я должен быть решительным. Я не буду медлить! Долг мой, как всякого моряка, встретившего пирата, – поймать его и выдать в руки правосудия. Так сделаю и я! "Гриф" идет в Хайпудырскую губу и дойдет туда! Если я не захвачу командира парусника – я или погибну, или же узнаю его постоянную стоянку, куда приведу потом военное судно. Таков мой курс, господа, и если вы позволите себе сопротивляться мне или при команде говорить о страхах и прочем вздоре, я выброшу вас в море. Господа, я считаю, что вы отныне получили предостережение, и буду поступать так, как мне предписывают закон и обстоятельства.

Приложив руку к козырьку фуражки, Любимов спокойно вышел.

V. В Хайпудырской губе

Командир "Грифа" проявлял необычайную энергию и неутомимость. Он почти не спал, оставаясь все время на палубе, совещаясь с норвежцами и делая какие-то приготовления. Когда "Гриф" прошел уже мыс Русский Заворот и был на меридиане Гуляевских Кошек, Любимов заметил на горизонте парус. Он встревожился, вызвал на палубу норвежских боцманов и двух старых матросов. Они вынесли на палубу какие-то мешки и опустили их в воду, прикрепив на баграх к борту парохода. Тревога, однако, была ложной. Белевший вдали предмет оказался не парусом, а ледяной горой. "Гриф" вошел в ту часть Ледовитого океана, где в это время года встреча с айсбергами не была редкостью. Борясь со льдами и лавируя среди ледяных пиков и сплошных полей, "Гриф" медленно подвигался в сторону острова Долгого. Обогнув его в 25 милях от берега, Любимов вошел в Хайпудырскую губу и застопорил машину.

– Вам, быть может, угодно сойти на берег? – спросил он у проходившего по палубе Туманова. – Я бы, возвращаясь с Безыменного острова, зашел за вами.

– Я спрошу Сванборга, – ответил ученый и, вернувшись, заявил, – Профессор Сванборг и я намерены плыть на "Гриф" до окончания рейса.

– Отлично! – коротко сказал Любимов и крикнул в машину: – Полный ход вперед!

Пароход быстро входил в закрытый и сравнительно с бурным морем спокойный залив. Когда вода изменила цвет и из синевато-зеленой сделалась буро-желтой, что обозначало начало мели, "Гриф" тихим ходом подползал к поднимающемуся из-за горизонта острову. Мель неожиданно исчезла, и брошенный в темную пучину залива лот с 100-саженным линьком до дна не дошел.

Безыменный остров был как на ладони. Вдали виднелась изрезанная зубцами цепь гор, а на плоский берег взбегали волны.

– Вперед! – скомандовал Любимов. – Через час мы будем на острове.

"Гриф", между тем, не двигался, хотя из трубы его валил клубами черный дым.

– Механик! – крикнул командир в машинное отделение: – полный ход вперед!

– Машина не работает, капитан! – сказал механик, выходя на палубу. – Все золотники, парораспределение, цилиндры и поршни, словом – все в порядке, а машина не действует.

– Ничего не понимаю! – крикнул командир. – Вы пьяны, или смеетесь надо мною?

– Никак нет, капитан! – возразил механик. – Машина действительно остановилась, и я принужден выпустить пар, так как боюсь, что он разорвет котел. Остановилась не только машина, но также и часы, и манометр, капитан!

Любимов бросился к компасу. Стрелка была неподвижно устремлена на юго-восток и даже не вздрагивала от легкого покачивания судна на волнах.

Взглянув на свои часы, командир сказал:

– Да... догадываюсь... С проклятого острова на нас направили электрические волны. Они намагнитили стальные части машин, и мы не можем двинуться вперед, если не захотим взорвать весь пароход... Или, может быть, это случайное явление? Механик! – приказал он: – мы повернем в море... Будьте наготове! Поднять кливер!

Матросы закопошились у бушприта, завизжали блоки, и вскоре на носу взвился косой парус. "Гриф", подхваченный спереди ветром, быстро повертывался кормой к острову, и когда маневр был окончен, Любимов приказал пустить в ход машину. Мерно застучал вал, и пароход начал двигаться в сторону выхода из бухты.

– Руль на правый борт! Полный поворот на прежний курс! – скомандовал капитан, но лишь только нос "Грифа" стал поворачиваться, машина смолкла, жалобно засвистел пар, и заскрежетали поршни в наполненных паром цилиндрах. Из машинного отделения и пароотводных труб повалили клубы пара, а судно остановилось, изредка покачиваясь на волнах.

Никто не решался подойти к командиру.

Любимов, всегда такой веселый и приветливый, был мрачен. Он не выпускал из руки револьвера, готовый, в случае неповиновения или опасности, броситься навстречу врагу. Командир ходил по мостику и злобным взглядом осматривал видневшийся вдали остров. Когда Любимов принял какое-то решение, он сошел вниз и, созвав на ют всю команду, объявил:

– Скоро ночь, и нельзя идти вперед, потому что мы не знаем этого моря. Однако черт меня возьми, если я не дойду до этой проклятой землишки! Ночью ставить вахты почаще! Смотреть в оба и, как только что заметят, бить тревогу немедленно!

Сказав это, Любимов впервые за последние дни пошел в свою каюту и, не раздеваясь, бросился на койку. Около полуночи тревожные свистки на палубе, топот ног и крик у двери каюты разбудили его.

– Что там такое? – крикнул он вестовому, натягивая на себя теплую куртку.

– Стреляют... стреляют... – стуча зубами, ответил матрос. – Беда...

– Дурак! Трус! Подлая собака! – загремел Любимов и, оттолкнув перетрусившего вестового, бросился на палубу.

Море было темно, и густой мрак висел над водою.

– С ума они посходили, что ли? – пробормотал сквозь зубы Любимов.

Где-то далеко, как будто слабый отблеск зарницы, по небу скользнуло светлое пятно и погасло. Одновременно с этим командир услышал ворчание и громкое уханье. Не оставалось сомнения, что приближается снаряд. И он действительно пронесся между мечтами, оставляя за собою длинную полосу светящегося и удушливого дыма. В полуверсте от "Грифа" снаряд разорвался со страшной силой. Высокий столб внезапно вскинувшейся под нависшие облака воды и огня взметнулся кверху и встал из густого мрака, как зловещий огненный призрак. Издалека примчалась волна, подняла судно на своем пенистом гребне, стремительно бросила его куда-то вниз и ушла, маяча и клубясь в темноте.

Еще и еще, снаряд за снарядом проносились над "Грифом". Каждый из них ложился все ближе и ближе. Уже брызги рассыпающихся при взрывах водяных столбов окатывали палубу судна, и Любимов, приказав приготовить шлюпки, ожидал снаряда по "Грифу". Но невидимый бомбардир, очевидно, играл с неосторожным и назойливым противником. Он обрушивал на палубу парохода целые потоки студеной и соленой воды, забрасывая его рвущимися и грохочущими снарядами со всех сторон.

После двух, а, может быть, и трех часов обстрела "Грифа" снаряды начали летать с грозным уханьем и каким-то лязгом во все стороны. Они уносились в темноте, поднимались к небу, оставляя за собою, словно улетающие с земли давно упавшие на нее звезды, длинный, ярко очерченный след, и пропадали. Когда над далеким островом погасли злобные вспышки зарниц, поднялся ветер и погнал перед собою волны. Пошел снег большими хлопьями, свирепела буря, и впереди не было ни зги. Стоящие на вахте матросы не выпускали сигнальных рожков из рук и напрасно протирали залепляемые снегом глаза, стараясь что-нибудь разглядеть. Мачты, палуба и море – все исчезло, все слилось с мраком, в котором что-то металось и мчалось, грозя и пугая.

– Капитан, – сказал, подходя к Любимову, механик, – мои кочегары и машинисты требуют повернуть нос парохода в открытое море и дать полный ход отсюда, где нас ждет гибель.

– Вы не имеете права делать такие заявления командиру судна! – оборвал его Любимов. – Потрудитесь спуститься в машинное отделение и ждать приказаний.

– Слушаюсь, – пробормотал механик, быстро сбега по ступенькам, ведущим с капитанского мостика.

Через несколько минут перед капитаном выросла грузная, коренастая фигура старшего кочегара. Это был мрачный, черный и всегда злой матрос, неизвестного происхождения и национальности, но опытный и чрезвычайно выносливый моряк.

– Меня послали мои товарищи к вам, капитан, сказать... – начал он и осекся, когда к нему подошел Любимов.

– Ну? – спросил он и пригнулся, как бы готовясь к прыжку.

– Мы, вы знаете сами, капитан, от работы не бегаем, – продолжал кочегар: – но мы боимся и этого острова и здешних вод. Мы требуем сейчас же уходить отсюда, если же вы не согласитесь, мы сами сделаем это.

Сдавленный крик вырвался из горла кочегара. Командир, схватив его одной рукой за шею, другой обнял его и, тряхнув, со всего размаха толкнул от себя. Грузное тело, колыхнувшись, поднялось на воздух, ударилось о край висящего над водою мостика и рухнуло в бьющиеся у бортов "Грифа" волны. Только вахтенные и штурвальные видели это и с ужасом остановились, когда мимо них проходил угрюмый, сразу постаревший и сгорбившийся Любимов. Он долго ходил по мостику. Тяжелые думы, такие обидные и назойливые, мучили его. Никогда в жизни он не предполагал, что придется встретиться в этих пустынных морях с неизвестным противником, побеждающим его, оставаясь невидимым и недосягаемым. Он, исколесивший весь мир, избородивший весь грозный, полный опасностей Ледовитый океан, старый и опытный моряк, чувствовал себя побежденным и обессиленным. И перед ним там, на неизвестной отмели, был враг, а он со своим "Грифом" стоял на одном месте, словно скованный по рукам и ногам человек.

Это был кошмар, злой сон, безжалостное наказание, жестокая мука.

И вдруг Любимов закричал тонким, пронзительным голосом, в котором звучала бессильная злоба и какое-то надрывное отчаяние:

– Люди к орудию! Люди к орудию! Огонь по острову!

– Есть! – отозвался вахтенный и свистнул.

Боцман повторил сигнал, и около пушки выросли три быстрые тени. Они копошились, перебежали с места на место, гремели затвором орудия и железными носилками для снарядов.

– Готово! – послышался голос от пушки.

– Беглый огонь! – тем же надрывным голосом скомандовал Любимов и, озаряемый багровыми вспышками выстрелов, стоял, всматриваясь расширенными глазами в густой мрак, и кричал, взмахивая, как крыльями, широкими полами плаща. Он напоминал печальную черную птицу, и голос его был тревожным криком летящих поздней осенью журавлей.

При вспышках выстрелов на мгновение освещались гребни волн и седое, вспененное море. Любимов, смотря туда, где был неизвестный остров, не видел, как, вскинутые на вершины валов, одна за другой скрылись в темноте две шляпки. Он долго стоял, перегнувшись через мостик, и кричал:

– Огонь! Беглый огонь!

Любимов не слышал того, что орудие давно уже смолкло, а когда оглянулся, то не увидел ни вахтенных, ни штурвальных. Он с изумлением протер глаза и крикнул в пространство:

– Свистеть боцмана!

Ему ответил порыв ветра, заставивший качнуться весь корпус "Грифа". Целый дождь тяжелых и крупных капель холодной воды брызнул на него, волна ударилась о корму и, перевалившись через борт, побежала по палубе и сквозь якорные амбразуры вылилась в море. Шуму воды и свисту ветра откуда-то, будто из глубины океана, вторил крик людей. Полный отчаяния, смертельной тревоги и безнадежного призыва, он казался страшным, и даже Любимов не мог его слышать без содрогания. Он заткнул пальцами уши и стоял бледный, потерявший способность соображать и действовать.

Он ждал, что сейчас из-за борта выползут из холодной пучины злые, отвратительные чудища, обхватят его цепкими и мокрыми руками, утащат вглубь проклятой бухты и замучат среди неведомых никому камней и пустынных отмелей.

VI. Плен

Любимов вздрогнул и хотел бежать, когда рядом с ним появилась черная тень.

– Останьтесь! – послышался угрюмый, дрожащий от волнения, голос. – Теперь поздно бежать. Вы не хотели уходить тогда, когда я требовал этого. Теперь же вы в моих руках!

– Кто вы? – спросил его, цепenea от невольного страха, Любимов.

– Властитель моря льдов! – торжественным голосом протянула тень. – Властитель земли и всего мира, если бы только я пожелал. Но мне противна ничтожная земля, и постыл однообразный, глупо мятущийся и нелепо ползущий куда-то к неведомому концу мир! Я бы мог уничтожить всех и все, но я устал... Ненавидеть, только ненавидеть тяжело... А любви нет... нет...

– Вы... – начал Любимов, но тень прервала его и страстно зашептала:

– Я вам все скажу, все... Я велик и могуч!.. Все мне подвластно: бури, грозы и море... Жизнь и смерть несет мой мозг. И было бы на земле великое счастье, когда я отдал бы людям все, чем полна моя душа, чем жил мой ум! Но для этого надо было дать радость сердцу, озарить жизнь мою светом счастья. А где они? Первые вспышки чувства, юношеская любовь моя были осмеяны, осквернены... Для той, которую избрала любовь моя, я был посмешищем, презренным негодяем. И я мстил, я буду мстить!

Человек, стоящий рядом с Любимовым, говорил это странным голосом. Казалось, что говорить не он, но кто-то стоящий позади его.

– Вы – командир брига "Ужас"? – прошептал Любимов.

– Я сам – ужас... – словно сообщая важную тайну, также зашептал тот. – Ужас отчаяния перед ненужной жизнью, ужас злобы и ненависти, ужас презрения...

Он замолчал и стоял мрачный, готовый к неожиданным, внезапным решениям и могучим порывам.

Силин думал о чем-то и, видимо, колебался. Потом он поднял голову и сказал:

– Вас покинула команда. На двух шлюпках они плыли, борясь с волнами, на север, но я перерезал им путь... и...

– Что дальше? – спросил, впиваясь в него глазами, Любимов.

– Они пошли ко дну... – мрачно закончил Силин и пронзительно свистнул.

В разных местах вспыхнули огни, и из мрака выступили фигуры матросов в желтых плащах, освещенные трепетными огнями факелов.

– Вы арестованы! – сказал командир брига "Ужас" и прикоснулся к плечу Любимова. – Почему вы не застрелите меня? – неожиданно спросил он, наклоняясь и заглядывая ему в глаза.

– Не могу! – ответил Любимов. – Не знаю, почему, но не могу!.. Может быть, я боюсь вас.

Силин пожал плечами и крикнул вниз:

– Кто остался на пароходе? Привести всех на бак!

Вскоре на баке стояли Любимов, профессор Туманов, Сванборг и старый боцман. Матросы с брига "Ужас" зорко следили за каждым их движением.

– Господа, вы – мои пленники! – сказал Силин, нервно передернув плечами. – Вы меня можете спросить, почему я не пустил вас ко дну, хотя ежеминутно имел эту возможность? Я не скрою от вас, что у меня самого несколько раз зрело решение утопить вас с вашим пароходом, но, в конце концов, я пришел к другому заключению. Вы совершите на "Ужасе" переход из Хайпудырской губы до Шпицбергена и будете свидетелями того, что сделали люди с таким человеком, как я!

Он, крепко ступая по палубе, прошелся вдоль бака и вдруг, круто повернувшись на каблуках, вплотную подошел к Туманову:

– Стыдитесь, вы... человек науки! Стыдитесь! Разве я не видел вашей подозрительности, вашей трусости передо мною, всегда вникавшим в природу вещей и явлений? Вы опасались

конкуренции, и как вы были рады, когда я увлекся вашей дочерью и забросил ради нее науку! Когда же вы окончили свою работу, вы, только вы подсказали ей, что я опасен и способен на все дурное. Я не знаю, что еще наклеветали на меня, но вы вселили в любимой мною девушке отвращение ко мне!..

Он отошел от академика и, остановившись в нескольких шагах, смерил его с ног до головы холодным, полным ненависти, взглядом. Потом низко опустил голову и что-то обдумывал, но через мгновение поднял плечи и выпрямился, словно сбрасывая с себя большую тяжесть, и уже на ходу отдал приказ:

– Вести за мной!

По спущенному трапу все перешли на стоящую у самого борта большую моторную лодку. Она была окрашена в серо-голубой цвет и даже вблизи была похожа на глыбу тающего, потемневшего полярного льда.

Когда все разместились, Силин порывистым движением повернул рычаг – и над головою сидящих захлопнулся железный свод. Тотчас же послышался стук работающей машины, и от быстрого движения винта содрогалось все судно.

– Стой! – скомандовал кому-то невидимому в темноте Силин, и лодка остановилась.

Когда был убран железный свод, глазам присутствующих представилась грозная картина.

Вдали, вскидываемый волнами, плыл "Гриф". Огонь уже вырывался из иллюминаторов и лизал мокрые мачты и снасти, а когда он, высушив их, побежал по реям и стенам, из трубы с глухим гулом вырвались клубы освещенного огнем дыма, и все сразу стихло и погасло.

По пустынному заливу бежали лишь холодные волны, и бились, и шипели кругом.

VII. На бриге «Ужас»

Еще ночной мрак не рассеялся, и только на востоке прорезалась едва заметная полоса зари, да облака понизу стали светлее и быстрее мчались бесконечными вереницами, когда лодка опять остановилась. Когда мрак перешел в сумерки, Любимов с носа судна внимательно осмотрел море. Там, где два часа тому назад стоял "Гриф", виднелись широкие паруса брига. Пароход исчез, а парусник уничтожал последние следы его. Заглушенные расстоянием, слышались далекие, раскатистые взрывы, и кое-где вздымались столбы воды и клубы пара и дыма.

За работой брига следил и Силин. Он приказал зажечь прожектор, и когда яркий белый сноп света побегал по темному еще морю и вдруг нащупал и осветил белые, как крылья лебедя, паруса, на "Ужасе" произвели маневр, и он плавно понесся на сигнал.

В этот миг на носу прогремел выстрел и раздался гортанный, непонятный крик стоящего здесь матроса. Сбежавшиеся увидели Любимова. Он лежал ничком, собрав в бесформенный ком свое большое и сильное тело, и зажимал рукой кровь, бившую из сквозной раны в шее. Когда над ним нагнулся Туманов, моряк печально взглянул на пустынное море и едва различимым свистящим шепотом сказал:

– Погубил судно и сам пропадаю...

Это были его последние слова. Он рванулся вперед, уперся обеими руками в палубу, вытянулся и замер. Силин подошел к нему, заглянул в угасшие уже глаза и махнул рукой. С плеском ударилось тело Любимова об воду и скрылось под водою.

Пересадка пленников и команды на подошедший бриг была произведена очень скоро, а лодка, прикрывшись железным сводом, ныряя и выскакивая на поверхность воды, неслась в сторону острова, едва заметного вдаль. Через несколько часов бриг "Ужас" мчался из Хайпудырской губы в открытый океан. Дул свежий ветер в корму, и бриг поднял все паруса.

Ларс Сванборг вышел из отведенной ему каюты на палубу. Как всякий норвежец, он понимал толк в судах и потому, взглянув на невиданную им парусную оснастку "Ужаса", даже вскрикнул от удивления. Длинные, прямые и косые, паруса странной формы были наполнены ветром и глухо гудели, словно сердились на подхватывающий их по временам шквал. В туманном воздухе паруса напоминали распростертые крылья гигантской белой птицы, налетевшей на судно. К удивленному ученому подошел Силин.

– Профессор Ларс Сванборг? – спросил он по-английски, прикасаясь рукой к полам кожаной шляпы. – Вы, конечно, норвежец?

– Да! Я занимаю кафедру биологических наук в Гальтерфосте, – ответил ученый.

– Пройдемте ко мне в каюту, профессор! – предложил Силин. – Я буду просить вас об одной услуге.

По лесенке, устланной желтой кожей вместо ковра, они спустились в носовое помещение и вошли в каюту командира. Большая, неправильной формы комната, со стенами из матового черного дерева, с тяжелыми резными фризами, была украшена великолепными портретами молодой женщины. Ее задумчивое лицо с грустными темными глазами и упрямыми, решительными губами смотрело со всех стен. Кисть великого художника занесла эти тонкие черты лица на холст, – в этом не сомневался Ларс Сванборг.

Точно угадывая его мысли, Силин обвел печальным взглядом портреты и тихим голосом произнес:

– Это – дочь профессора Туманова, женщина, отвергнувшая мою любовь и поверившая клевете на меня! Видите, сколько портретов. Их писал гениальный художник. Он был сослан почти к устью Оби и бежал оттуда на челноке туземца. Я случайно крейсировал в то время в лимане этой реки и взял его на борт.

– Где же теперь этот художник? – не мог удержаться от вопроса Сванборг.

– Он... умер! – помедлив, ответил Силин и продолжал: – Я хочу, чтобы вы были свидетелем моего разрыва с прошлым, моего вызова всему миру. Я отдал людям любимую женщину, и любовь моя перешла в ненависть. Я уничтожаю теперь все воспоминания, все изображения ее, письма, которые она, не желая говорить со мною, писала мне. Я уничтожаю все, все... и если раньше я хотел гибели человечества лишь в порыве отчаяния, под гнетом тяжелой и несправедливой обиды, то теперь мне подсказывает это свободный от оков чувства холодный и ясный ум.

Говоря это, Силин, согнувшись и выставив вперед голову, медленно, как хищный зверь, готовящийся к прыжку, подвигался в сторону самого большого портрета.

Прежде чем Ларс Сванборг мог понять его намерение, Силин со злым криком широко размахнулся и ударил ножом в середину холста. Он с треском разорвался, а нож с каким-то скрежетом резал его и колол. Силин метался от одной стены к другой, и скоро остались лишь рамы с сохранившимися кое-где лоскутами холста. Обрывки портретов и куски разбитых рам валялись на полу, и по ним ходил Силин с бледным и искаженным внутренней мукой лицом.

Он нажал кнопку, и почти мгновенно вырос на пороге матрос.

– Убрать этот мусор! – крикнул он, но, спохватившись, повторил приказ движениями пальцев и рта, как это делают при объяснениях с глухонемыми.

Пока матрос убирал каюту, Сванборг подошел к командиру брига и спросил его:

– Я заметил, что вся команда у вас набрана из глухонемых. Почему?

Силин одно мгновение колебался, но потом решительным и холодным голосом ответил:

– Раньше этого не было. Я набирал команду для "Ужаса" и людей для моего поселка на острове из беглых каторжан. Но когда она, – Силин указал головой на пустые рамы: – подговорила художника бежать и сообщить, где она находится, я его... словом – художник умер, а людям, за исключением троих, я отрезал языки и проколол барабанные перепонки, чтобы этого не повторилось...

Сказав это, Силин взял большую железную шкатулку, вынес на палубу и, подойдя к борту, сказал:

– Здесь глубоко, а дно вязко...

Он поднял над головой шкатулку и швырнул ее в воду.

– Теперь, – воскликнул он, – я свободен!

Силин быстро взбежал на капитанский мостик и отдал какое-то приказание двум немым штурвальным.

– Пойдемте, профессор! – сказал Силин, вернувшись к Сванборгу. – Теперь у меня к вам просьба!

В каюте он вручил ученому большой портфель и сказал:

– Что бы ни случилось со мною, к вам явится человек и скажет, что командир брига "Ужас" просит вернуть портфель. Вы сделаете это. Но я не хочу, чтобы вы исполнили мою просьбу бессознательно. В портфеле находятся бумаги с описанием моей жизни, без лжи, без прикрас! Описание жизни человека великого ума, трагического злодея, преступника, опасного всему человечеству. В этих же бумагах находится изложение моих изобретений: получения золота из морской воды, передачи электричества в пространстве, приготовления убивающих все живое грибов и водорослей и новых, необыкновенной силы, взрывчатых веществ. С их помощью я послал смерть на луну и раскидал ее ядовитые семена по лицу ненавистной земли. Все это я хочу передать другому человеку, а он продолжит начатую мною борьбу с обществом, с его гнилой, убившей душу и чувства людей, культурой. И вы, зная это, вы, Ларс Сванборг, исполните просьбу командира брига "Ужас"!

С капитанского мостика прозвучал удар колокола.

– Начинается открытая борьба моя со всеми народами мира! – воскликнул Силин. – Видите тот остров? Это – Самоедский Чум. Русское имя, но здесь расположена богатая фак-

тория американской компании, занимающейся китобойным промыслом. На нее первую обрушится мой безграничный гнев!

Он взошел на мостик, и его одинокая фигура, с мрачным, горящим местью взором, казалась живой угрозой человечеству. Он долго смотрел на далекий берег, где поднимались облачка дыма, и, подойдя к стоящему на мостике столу, начал измерять расстояние до фактории. Покончив с этим, он нажал несколько кнопок, и тотчас же загорелись разноцветные световые сигналы.

Из трюма выбежали матросы и стали в разных местах. Прежние сигналы сменились другими, и вскоре с разных мест правого борта с знакомым уже Сванборгу уханьем и грохотом понеслись таинственные снаряды в сторону Самоедского Чума. Через несколько минут над всем берегом маленького островка стоял черный дым, прорезываемый по временам жадными всплесками пламени. Фактория горела, а бриг "Ужас", переставляя паруса, взял курс на Иолангу.

В милях ста от этого поселения поздней ночью Силин заметил баковые огни какого-то судна. Бриг тотчас же лег в дрейф, и Силин долго и внимательно слушал. Но стука машины он не уловил и решил, что идет парусное судно. Бриг начал медленно приближаться. Вскоре можно было уже разглядеть, что это – большой парусник, несущий в трюме полный груз и медленно плывущий на запад. "Ужас" нагнал его очень скоро и встал с ним борт к борту.

На грузовике на вахте стоял лишь штурвальный, а сигнальный матрос, вероятно, спал. Когда из темноты вынырнул высокий нос брига, и борт его коснулся борта грузового судна, тревожный окрик раздался с мостика.

– Кто идет? – крикнул штурвальный по-английски.

Вместо ответа на палубу вбежала команда брига. Раздались выстрелы, глухие удары топоров, стоны падающих людей и одинокий сигнальный свисток, сменившийся тяжелым падением человека за борт. Матросы Силина наглухо заперли все люки и выходы на палубу и оставили несчастное судно. Последним ушел с него сам командир брига. Он подошел к Сванборгу и сказал ему:

– Я заразил все в трюме пласмодием и велел поставить паруса так, что корабль уйдет обратно на восток. Когда он выкинется где-нибудь на мель, или его перехватит случайный пароход, забавное зрелище найдут там люди. Бурая гниющая масса из трупов людей и рыбы, из тлеющего и мокнувшего дерева будет заключена в разрушающемся корпусе парусника. Пойдут догадки и предположения, создадутся теории о новой болезни или другие бредни в этом же роде... Ха-ха-ха!

Силин долго и злобно смеялся, а потом сказал:

– Профессор! Через несколько часов бриг будет в виду Иоланги. Предупредите ваших спутников, что вместе с вами они будут доставлены на Колгуев. А затем прощайте, мы больше не увидимся. Я же уверен, что Ларс Сванборг – честный человек и исполнит мою просьбу!

Под вечер, чуть только вдаль показались вершушки гор над Иолангой и далекий огонь маяка, бриг спустил паруса и лег в дрейф. Восьмивесельный бог с тремя пассажирами и пятью глухонемыми матросами с брига быстро шел к видневшемуся на севере берегу.

На мостике и на всей палубе брига было пустынно, и только на корме развевался белый флаг, окаймленный широкой черной лентой. Сванборгу показалось, что какой-то бесконечно-грустный, без тени надежды привет был в прощальных колебаниях этого печального флага. Он поделился своими впечатлениями с Тумановым. Старый академик опустил голову на грудь и тихо шепнул:

– Великое несчастье... Гениальный безумец поднял руку на человечество!

Отчаяние и тревога Туманова сообщились и Сванборгу. Он молчал и с благоговейным страхом и жгучей тоской смотрел на скрывающиеся за отраженными поверхностью моря лучами заката очертания брига "Ужас".

VIII. Последний бой

Через несколько дней гребной баркас смотрителя маяка с шестью рыбаками на веслах плыл от Иоланги к большому пароходу, стоявшему в трех верстах от берега. В баркасе находились Туманов, Сванборг и профессор Самойлов. Все молчали и с тяжелым чувством смотрели на молодую женщину с увядшим лицом и неподвижным, мертвым взглядом печальных и испуганных глаз. По временам женщина тревожно озиралась и, заметив вдали белый гребень волны, вздрагивала и хватала за руку Самойлова.

– Парус... там парус? Это он... – шептала она бледными губами.

Стоявший на руле старый боцман с погибшего "Грифа" старался успокоить ее.

– Не парус это, барыня! – объяснял он. – Волна там барашком идет. Ночью ведь шквал пролетел знатный. Поди, на море много нынче беды понаделал.

В это время они подходили к далеко выдвинувшемуся в море скалистому мысу.

– Там пучина начнется, – сказал один из рыбаков, – а только вы в море дальше рулите, не то запрокинет нас здесь... Вишь, какие буруны бьются!

Действительно, у самого мыса вскидывались и лизали изъеденную водой скалу пенистые, бешено ревущие волны. Боцман направил баркас в море, прямо на юг от мыса. Когда они сравнялись со скалой, и пароход был уже близко, женщина, схватившись обеими руками за голову, поднялась во весь рост и с криком упала на дно баркаса.

– Что с тобою?!.. – бросился к дочери Туманов. Но слова замерли на губах старика.

Из-за мыса, распустив два больших паруса, прямо на них неслась яхта. На белом полотне парусов чернелись слова: "Бриг "Ужас" и широкая траурная кайма.

– Гребите! гребите! – крикнул Самойлов рыбакам и вынул из кармана револьвер.

– Наддай! – повторил его приказание боцман, и рыбаки, мерно сгибаясь и разгибаясь, начали быстрее вскидывать весла.

Баркас рванулся вперед. Парусная яхта, маневрируя по ветру, старалась пересечь путь убегающим, но до парохода было уже недалеко. Всем стало ясно, что баркас спасен, и что яхте не настичь их. Внезапно налетел ветер. Его порывы сделались сильнее и чаще. Пользуясь этим, на яхте подняли новые паруса. Их было так много, что скрылись мачты и снасти. Казалось, что какое-то неведомое морское существо, белое от пены волн, встало и несется над водою.

Яхта не плыла – она летела. Свежий ветер, встретив сопротивление парусов, подхватил судно и понес его. Все чаще и чаще видны были острый киль яхты и далеко выдвинутый руль. Судно уходило в сторону от баркаса, и только тогда, когда до парохода оставалось не более полуверсты, оно непостижимым маневром сразу перекинулось на другой курс и стало рядом с беглецами.

– Не тревожьтесь! – раздался угрюмый голос Силина, и он вышел на нос яхты. – Я не причиню вам никакого вреда. Я только хочу взглянуть на Нину в последний раз и передать, что я вызываю на бой того, кто оклеветал меня... Самойлова. Я буду ждать.

Новым маневром Силин отбросил свою яхту от баркаса на несколько саженей и, остановившись, убрал паруса и отдался волнам, которые бросали судно, как легкую, беспомощную щепку. На баркасе воцарилось глухое молчание. Даже рыбаки перестали грести и тревожно поглядывали на господ.

Самойлов был бледен. Он провел рукой по высокому лбу, и глаза его загорелись. Он опустился на колени на дно баркаса и нагнулся над Тумановой. Она лежала, бледная и безжизненная, в глубоком обмороке, и на ресницах ее блестели слезы. Тоска и ужас были на ее лице, измученном и исстрадавшемся. Самойлов молча взял ее руку и прижал к губам. Потом он поднялся, обвел всех каким-то вопрошающим и словно недоуменным взглядом. Неожиданно, быстрым прыжком вскочив на скамейку, он бросился в воду и поплыл к яхте. И тотчас же дру-

гой человек кинулся ему навстречу. Это был Силин. Он далеко закидывал руки и, рванувшись, бросками поплыл к Самойлову.

Встреча их была коротка, как вспышка молнии, и так же бесследно пропали в морской глубине эти схватившиеся друг с другом враги, как исчезает на темном небе прорезавшая его огненная стрела. Лишь воронки заплесали и закружились на поверхности океана, да всплыло и сразу же исчезло большое багровое пятно...

Недавно случайно попавшие на остров Долгий промышленники нашли занесенные песком и истлевшими водорослями обломки разрушенного корабля. На почерневшей и расколотой доске они прочли надпись: "Бриг "Ужас"...

Антоний Оссендовский

Зеленая смерть

Не говорите мне о Соломоновых островах! Вы лучше меня спросите, спросите меня, капитана Джонатана Смита, что такое Соломоновы острова? Я вам скажу! Вы, мальчишки! Слышали ли вы, например, что такое "Зеленая смерть"? Нет? Ну, так и не раскрывайте рта, когда в вашей компании находится человек, который не только слышал, что такое "Зеленая смерть", но... Но сам ее видел, своими собственными глазами! Вы спрашиваете, кто это? Я вам отвечу:

– Капитан с "Сузи Блиг", Джонатан Смит. То есть я.

Бравый моряк, председательствовавший на маленькой товарищеской пирушке в скромной таверне на окраине Алии, столицы Самоа, поставил на стол опустевшую кружку и крикнул хозяину кабачка, высокому курчавому туземцу Иезекилю:

– Эй, чернокожий принц!

– Что, масса? – откликнулся тот.

– Элю! Да покрепче, и получше сортом!

Когда я рассказываю о "Зеленой смерти", у меня всегда глотка пересыхает, и ее необходимо аккуратно смачивать. А то доктора меня предупреждали, что от излишней сухости горла может черт знает что случиться. Не понял я хорошо, что именно: не то суставной ревматизм, не то воспаление слепой или глухой кишки. А при моем слабом здоровье это для меня похуже смерти! Только не "Зеленой смерти", конечно! Так давай же, черный патриарх, кружку элю!

Общий хохот встретил заявление Смита, казавшегося выкованным из стали, о "слабости" его здоровья.

Смит славился своею исключительною любовью к элю. Он мог безнаказанно поглощать неимоверное количество этого напитка, не подвергаясь ни малейшим неприятным последствиям, но считал необходимым при требовании каждой новой кружки подробно мотивировать, почему именно он хочет выпить эту кружку. То он прозяб, и ему надо согреться, а для этого самое лучшее средство именно эль. То слишком жарко, можно задохнуться, и потому надо выпить кружечку элю, чтобы освежиться. Если идет дождь, то воздух слишком сыр, и это вредно для слабого здоровья капитана Смита. Единственное спасение хлебнуть элю. То ветер носит по улицам клубы пыли, а известно, как вредно действует пыль, оседая в горле, и нет ничего лучше эля для того, чтобы прополоскать горло. Пил свой любимый напиток капитан Смит и от насморка, и от несварения желудка, и от головной боли, и от решительно всех недугов, будто бы его одолевавших или, по крайней мере, ему грозивших со всех сторон.

В изобретении причин, побуждающих прибегнуть к элю, он был положительно неутомим, и ничто не могло заставить его врасплох, ничто не могло заставить его лазить за подходящим словечком в карман. Эту слабость капитана Смита отлично знали все его приятели, и между ними установился своеобразный спорт: молодцы старались заранее отгадать, какие именно причины придумает Смит для того, чтобы выпить пару лишних кружек эля. Впрочем, словечко "лишний" по существу мало соответствовало истине: капитан мог поглощать и поглощал совершенно безнаказанно положительно неимоверное количество любимого напитка, оставаясь, как говорится, "ни в одном глазу". И, покидая какой-нибудь "Приют моряка" после изрядной попойки, оставляя огромное большинство товарищей уже в том состоянии, когда человек, по характерной пословице, лыка не вяжет, сам Смит мог идти хотя бы по одной доске, ничуть не уклоняясь от прямой линии, не шатаясь. Он только жаловался в таких случаях, что будто бы откуда-то черт туману наносит. Но сейчас же добавлял:

– Эх, жалость такая! Надо было бы мне, очевидно, еще кружечку хлопнуть! Эль ведь чудесно зрение очищает! Какой-нибудь туман, а хлопнешь кружечку, и сразу все ясно делается!

К чести капитана Смита надо сказать, что, во-первых, он отдавал дань Бахусу или, проще сказать, элю только на берегу, то есть когда на нем не лежала уже ответственность за судьбу "Сузи Блинг", его маленького, но бойкого и делавшего отличные дела парходика. На море Смит становился форменным трезвенником и без труда мог бы выставить свою кандидатуру в почетные президенты любого общества борьбы со спиртными напитками. А, во-вторых, он никогда никого не "подколдыкивал", как говорят матросы, то есть не соблазнял пить, а даже поговаривал в дружеской компании, обращаясь к молодежи:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.